

РИЧАРД СЕННЕТ

## Каждый — сам себе дьявол

### Париж Умбера де Романа

Афинский полис являлся сообществом граждан. Житель средневекового города называл себя буржуа (*bourgeois*) во Франции, бюргером (*Burgher*) — в Германии. За этими словами стояло не просто обозначение людей из среднего класса; резчики, работавшие на строительстве Нотр-Дам, были буржуа, но с другой стороны, в средневековом Париже немногие буржуа обладали избирательным правом, подобно греческим гражданам. Историк Морис Ломбар описывает буржуа в противоположность гражданину греческого полиса как космополита, существующего благодаря городской коммерции и торговле. «[Средневековый буржуа] — это человек на перепутье, — пишет Ломбар, — на перепутье, образованном наложением различных городских центров. Он — человек, открытый внешнему миру, восприимчивый к влияниям, приходящим из других городов и достигающим этого города».<sup>1</sup> Такое космополитическое мировоззрение влияло и на отношение к родному городу. Немилосердный труд средневекового Парижа происходил не в каких-то местах, а в городском пространстве: пространства покупались и продавались, в ходе покупок и продаж меняли форму, пространство становилось территорией, на которой, а не ради которой, трудился человек. А использование этого городского пространства начали буржуа.

Различие между пространством и местом становится в городе основополагающим. Оно включает не только эмоциональную привязанность к месту жительства, но также и опыт времени. В средневековом Париже гибкое использование пространства начинается совместно с появлением корпорации — института, обладающего правом менять сферу своей дея-

<sup>1</sup> Maurice Lombard, цит. по Jacques Le Goff, «Introduction», *Histoire de la France urbaine*. Vol. II: *La Ville Médiévale*, eds. Andre Chedeville, Jacques Le Goff, and Jacques Rossiaud (Paris: Le Seuil, 1980), 22.

тельности с течением времени. Экономическое время протекало в использовании возможностей, в получении выгоды от непредвиденных событий. Экономика способствовала сочетанию функционального использования пространства и выгодного использования времени. Напротив, христианское время основывалось на жизни самого Христа, на истории, которую люди знали наизусть. Религия содействовала эмоциональной привязанности к месту вкупе с чувством повествовательного времени, сюжет которого определен раз и навсегда.

Ранние христиане, «отворачивавшиеся» от мира, обладали чувством надвигающихся перемен, но у них отсутствовало место; новообращенным ранним христианам не выдавалось карты, на которой был бы обозначен пункт назначения. Теперь же христианин имел и место в мире, и путь, которым следовать, но экономическая деятельность словно бы отталкивала его и от того, и от другого. В этом конфликте между экономикой и религией участвовало и ощущение собственного тела. В то время как христианское время и место вытекало из способности тела к состраданию, экономическое время и пространство вытекало из его способности к агрессии. Эти противоречия места и пространства, случайных возможностей и заданности, сострадания и агрессии, происходили в душе каждого буржуа, пытающегося и сохранить веру, и извлекать прибыль.

## 1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

### Сите, бург, коммуна

Географически средневековый Париж, как и другие города того времени, состоял из собственности трех видов. Во-первых, это были земли, ограниченные постоянными укреплениями, и внутри этих укреплений принадлежащие определенным властям. Скажем, в Париже, каменные стены защищали остров Сите, который также был окружен рукавами Сены, игравшими роль естественного рва; большая часть острова принадлежала королю и церкви. Такие земли французы называли *cité*.

Земли второго типа не имели стен, но все равно принадлежали крупным и четко определенным владельцам. Подобные территории во Франции назывались *bourg*. Древнейший бург в Париже – Сен-Жермен – находился на левом берегу Сены. Он напоминал плотно заселенную деревню, за исключением того, что вся земля в нем принадлежала четырем церквям, составлявшим Сен-Жерменский приход, крупнейший в городе – сейчас там находится современная церковь Сен-Сюльпис. Бург не обязательно принадлежал одному владельцу. На правом берегу напротив Нотр-Дам

вдоль реки к 1250 г. вырос новый квартал, служивший одновременно и портом, и рынком; портом владел один второстепенный аристократ, рынком – другой.

Густозаселенные земли третьего типа не защищались постоянной стеной, и не принадлежали определенному владельцу. Французы называли их *commune*. Коммуны, усеявшие периферию Парижа, обычно были небольшими землевладениями, деревнями без хозяина.

С возрождением Парижа в Средние века статус коммун и бургов изменился вследствие ограждения стенами новых земель. Строительство стен шло в два этапа. Сперва в начале XIII в. король Филипп-Август обнес стенами и северную, и южную стороны Парижа, защитив территорию, стабильно развивавшуюся в предыдущее столетие; затем Карл V к 1350-м гг. снова расширил парижские стены, теперь уже только на правом берегу. Благодаря этим изменениям из первоначально маленьких, изолированных сите, бургов и коммун и возник город в современном смысле; король предоставил и гарантировал экономические привилегии бургам и коммунам внутри стен.

Парижане измеряли развитие города количеством в нем камня. Как указывает Жак Ле Гофф, «начиная с XI в. наблюдается великий строительный бум, феномен, существенный в развитии средневековой экономики, который очень часто состоял в замене деревянных строений – церквей, мостов или домов – каменными»; активное каменное строительство шло благодаря как частным инвестициям, так и общественным работам.<sup>2</sup> Использование камня в свою очередь способствовало развитию других ремесел. Например, на последних этапах строительства Женаом де Шеллем собора Нотр-Дам в городе резко возросла торговля стеклом, драгоценными камнями и гобеленами.

Однако, процесс объединения старых бургов, сите и коммун не прибавил карте Парижа ясности.

## Улица

Можно ожидать, что крупный торговый город, каким был средневековый Париж, должен иметь хорошие дороги, чтобы перевозить товары по городу. И вдоль берегов Сены они существовали; в 1000-1200 гг. эти берега были обнесены каменными набережными, что способствовало речной торговле. Но вдали от реки рост города не сопровождался строительством дорожной сети, пригодной для транспорта. «Дороги пребывали в плохом состоянии, – отмечает Ле Гофф, – число телег и фургонов было невелико, они были дороги, а полезные экипажи отсутствовали»; даже

<sup>2</sup> Le Goff, *Medieval Civilization, 400-1500*, 207.

непритязательные тачки появились на улицах Парижа лишь в конце Средних веков.<sup>3</sup> Римский город с его превосходно спроектированными дорогами, выдолбленными глубоко в грунте, остался строительным чудом далекого прошлого.

Беспорядочная форма, так же, как и жалкое физическое состояние средневековой улицы были результатом самого процесса роста. Дороги одной коммуны лишь изредка продолжались, соединяясь с дорогами другой коммуны, поскольку границы коммун обычно служили краем небольшого поселения наподобие деревни, замкнутого на себя. Бурги также не соединялись с другими бургами. Хаотическая форма уличной сети зависела еще и от того, каким образом земля использовалась своими владельцами.

Большинство земельных участков в сите или бургe сдавались в аренду частным лицам, или же продавалось право их застройки. Многочисленные застройщики имели право строить на землях, принадлежащих таким крупным владельцам, как Корона или церковь, все, что они сочтут уместным; более того, различные части одного здания, разные его этажи или даже один этаж, могли принадлежать разным хозяевам и обустраиваться ими по своему вкусу. «Происходила настоящая колонизация строительных участков в самом городе или в его ближайших окрестностях», — говорит урбанист Жак Эр.<sup>4</sup> Землевладелец почти никогда не пытался указывать застройщику желаемый вид здания; и на чисто экономическом уровне король или епископ мог лишь в исключительных случаях захватить здание или заставить владельца продать его другому лицу. Король или епископ в Париже пользовался правом отчуждения собственности главным образом для того, чтобы расширить территорию дворцов или церквей.

Лишь средневековые города, основанные в римское время, могли иметь упорядоченную уличную сеть или единую планировку, и эта оставшаяся от римлян планировка, за исключением очень немногих городов, таких, как Трир и Милан, в процессе роста города раскалывалась на несвязанные друг с другом куски. Ни король, ни епископ, ни буржуа, не имел представления, как должен выглядеть город в целом. «Тесная, фрагментарная природа общественной сферы в самой топографии города отражала слабость, недостаток средств и ограниченные амбиции государства», — заявляет один историк.<sup>5</sup> Строители возводили все, что им могло сойти с рук; застройка нередко служила поводом судебных процессов между соседями, а еще чаще — для настоящих войн, когда наемные банды громил крушили соседнюю постройку. Из этой агрессии и рождалось городское полотно Парижа, «лабиринты кривых, крохотных улиц,

<sup>3</sup> Ibid., 215.

<sup>4</sup> Jacques Heers, *La Ville au Moyen Age* (Paris: Fayard, 1990), 189.

<sup>5</sup> Philippe Contamine, «Peasant Hearth to Papal Palace: The Fourteenth and Fifteenth Centuries,» in *A History of Private Life*. Vol. II: Revelations of the Medieval World, ed. Duby and Aries, 439.

тупиков и дворов; площади были маленькие, и в городе имелось совсем немного широких перспектив и зданий, построенных отступая от улицы; движение всегда было затруднительно».<sup>6</sup>

Средневековый Каир и средневековый Париж образуют красноречивый контраст, хотя современному наблюдателю они покажутся равно беспорядочными. Коран дает четкие указания по размещению дверей и пространственной связи дверей и окон. В средневековом Каире земля, принадлежащая мусульманам, должна была быть застроена согласно этим предписаниям, за чем следили благотворительные организации города. Более того, такие здания обязаны были соответствовать друг другу формой и учитывать взаимное существование; например, нельзя было заблокировать дверь соседа. Религия предписывала контекстуальную архитектуру, хотя контекстом не являлась линейная улица. К зданиям средневекового Парижа не предъявлялось подобных божественных – или королевских, или дворянских – требований, чтобы они учитывали друг друга. Каждое оборудовалось окнами и дверями исключительно по воле владельца; строители совершенно безнаказанно перекрывали вход в другое здание.

Пространство парижской средневековой улицы представляло собой ни больше ни меньше, как пространство, оставшееся после строительства зданий. Скажем, до того, как в Марэ выросли величественные ренессансные дворцы, этот болотистый квартал на правом берегу Сены был прорезан улицами, которые неожиданно сужались настолько, что даже пешеход с трудом мог протиснуться между зданиями, построенными их владельцами по самым краям земельных участков. В королевских кварталах и в аббатствах улицы были более пригодными для передвижения, поскольку владелец тут одновременно являлся и застройщиком, хотя даже в епископском квартале вокруг Нотр-Дам различные ордена втискивались на улицу согласно собственным желаниям, подвергая испытанию пределы своих привилегий.

Улицы носили отпечаток агрессивного самоутверждения, то есть являлись пространством, оставшимся после того, как люди самоутверждались в своих правах и власти. Улица была не садом, не общежитием, созданным совместным трудом. Однако, если у улицы отсутствовали эти признаки места, она обладала некоторыми визуальными особенностями, вполне позволявшими ей функционировать как экономическое пространство. Рассмотрим эти особенности на примере ее стен.

В непарадных и бедных кварталах древнегреческих и римских городов стена относилась к улице как жесткий барьер. Но средневековая городская экономика делала стену проницаемой. Например, в парижском квартале кожевников на правом берегу прохожие могли видеть в окнах каждой лавки выставленные товары благодаря новшеству в архитектуре

<sup>6</sup> Ibid.

окон: окна имели деревянные ставни, которые в сложенном виде служили прилавками. Первое известное здание с такими окнами построено в начале 1100-х гг. Благодаря подобному использованию стен купцы демонстрировали свои товары, чтобы прохожие знали, что внутри лавки тоже найдется кое-что достойное внимания. Покупатель, шедший по улице, отныне смотрел на стены, поверхности которых превратились в активные экономические зоны.

Средневековый двор точно таким же образом привязывался к уличной экономической деятельности. Двор служил и витриной, и мастерской, и вход в него постепенно расширялся, чтобы прохожие могли видеть, что происходит внутри. Даже в самых роскошных дворцах квартала Марэ в конце XVI в. двор первого этажа по плану строителей должен был стать скопищем лавок, производящих и продающих товары для широкой публики, а также обеспечивающих знатных домочадцев с верхних этажей.

Развитие такого рыхлого экономического уличного пространства привело к изменению уличного времени. Древний город зависел от дневного света; в средневековом Париже торговля удлинит уличный день. Люди шли на улицу за покупками до начала собственной работы, или после ее окончания; часами потребления стали рассвет и закат – скажем, пекарни работали на рассвете, а мясные лавки поздно вечером, после того, как мясник в течение дня купит, разделает и зажарит мясо. Прилавков оставался опущенным, а двор – незапертым, пока на улице еще были люди.

Эти улицы, здания на которых вырастали из агрессивного утверждения прав, и чье рыхлое пространство способствовало экономической конкуренции, были также знамениты своим насилием. Современные исследования городской уличной преступности не дают нам ни малейшего представления о разбое, царившем на средневековых улицах. Но это средневековое уличное насилие, в противоречие очевидному логическому выводу, не являлось простым следствием экономики.

Уличное насилие намного чаще было направлено против личности, а не против собственности. В 1405-1406 гг. (у нас нет более ранних достоверных цифр о преступности в Париже), 54% дел, рассматривавшихся криминальными судами Парижа, относились к «страстным преступлениям», а на ограбления приходилось всего 6%. В десятилетие 1411-1420 гг. 76% дел касались спонтанного насилия над личностью, 7% было связано с воровством.<sup>7</sup> Одно из объяснений этого феномена – в почти повсеместно принятой у купцов практике нанимать телохранителей; самые богатые практически содержали маленькие частные армии для защиты своих домов. С 1160 г. в Париже существовала муниципальная полиция, но ее численность была мала, а обязанности заключались главным образом в охране официальных должностных лиц, выходящих в город.

<sup>7</sup> Jean-Pierre Leguay, *La Rue au Moyen Age* (Rennes, France: Editions Ouest-France, 1984), 156-157.

Криминальная статистика Высокого и Позднего Средневековья слишком поверхностна, чтобы мы знали, кто становился жертвами уличного насилия — друзья и родственники или незнакомцы. Судя по существованию стольких телохранителей и солдат на службе у зажиточных классов, разумно предположить, что большинство преступлений, совершавшихся бедняками, было направлено на бедняков. Однако, нам известна одна из основных причин этих преступлений — пьянство.

С опьянением связано около 35 процентов убийств и тяжелых телесных повреждений в Турени, преимущественно сельском регионе Франции. В Париже это соотношение было еще выше, поскольку пили не только дома, где пьяный мог уснуть, но и в винных погребках и лавках, усеивавших городские улицы.<sup>8</sup> Событыльники, напившись, поздней ночью выскакивали на улицу, затевая драки.

Пьянство носило обязательный характер: в его основе лежала необходимость обогрева. В этом северном городе вино согревало людей в зданиях, где отсутствовало эффективное отопление; камин напротив отражающего экрана с дымоходом, уходящим в трубу, появился лишь в XV веке. До этого здание обогревали открытые жаровни или огонь, разведенный прямо на полу, и дым мешал людям находиться близко от огня. Более того, тепло быстро уходило, так как лишь в немногих из обычных городских зданий имелись стеклянные окна. Вино служило также как наркотик, притупляющий боль. Подобно героину и кокаину в современных городах, крепленое вино представляло собой основу наркотической культуры Средневековья, особенно развитой в погребках и винных лавках.

Строго говоря, уличное насилие как в Париже, так и в других средневековых городах могло иметь и политическую подоплеку. «Улица служила источником, питательной средой и плацдармом для городских бунтов».<sup>9</sup> Причина бунтов обычно была абстрактной, например, продажность чиновников, распределявших зерно, а королевская и епископская полиция в Париже подавляла их очень быстро; большинство бунтов длилось всего несколько часов, в крайнем случае несколько дней. Обычное же физическое насилие, которому подвергались люди на улицах, было непредсказуемо — неспровоцированный пырок ножом, удар кулаком под дых от бредущего мимо мертвецки пьяного человека. Следовательно, уличный рынок следует представлять себе как различные, но кратковременные формы агрессии: сознательная экономическая конкуренция и импульсивное неэкономическое насилие.

В экономической конкуренции важную роль играло словесное насилие, пусть оно редко переходило в насильственные действия. Люди являлись в дома должников или их семей, чтобы осыпать их самыми ужасны-

<sup>8</sup> Leguay, *La Rue au Moyen Age*, 155.

<sup>9</sup> *Ibid.*, 198.

ми угрозами, не стесняясь в выражениях. Некоторые историки полагают, что само языковое насилие служило средством эмоциональной разрядки, позволяя конкурентам совершать агрессивные действия, не переходя к кулачным баталиям. Как бы то ни было, политические и церковные власти города почти не предпринимали усилий, чтобы наказывать продавцов, угрожавших избить или прирезать покупателей, отказывавшихся от сделки, или оскорблявших других уличных торговцев.

Низкий уровень преступности против собственности свидетельствует о том, что в городском пространстве царил эффективный, но своеобразный порядок. Возможно, он остался бы незамеченным для современного обитателя Каира, торгующего согласно четким предписаниям религии. Но ни Ветхий, ни Новый завет, за исключением заповедей против ростовщичества и кражи, не дают никакого руководства по экономическому поведению. И возможно, именно поэтому Иоанн Солсберийский также не видел смысла в экономической деятельности. Конкуренция не носила холерического характера в том смысле, в каком *Ars medica* определяет холерический темперамент бойца в сражении. Мало сходства она носила и с цивилизованным сангвиническим поведением правителя, и уж тем более с флегматическими размышлениями ученого. Не было в нем также ничего меланхолического или дидактического. Что же представляет собой это экономическое существо, станет немного яснее при рассмотрении ярмарок и рынков — пространств, более явственно подчиненных гражданскому контролю, чем улицы.

### **Ярмарки и рынки**

Средневековый город был примером того, что мы бы сегодня назвали смешанной государственно-рыночной экономикой японского образца. Представление о том, как работала эта система, мы получим, если рассмотрим функционирование Сены в средневековом Париже.<sup>10</sup>

Представьте себе, что вы плывете по реке на корабле с грузом. Прибыв в Париж, вы обязаны уплатить пошлину у Большого моста, а ваш груз регистрируется в местной корпорации, носящей название *marchands de l'eau* («продавцы воды»). Если на судне имеется вино, — один из важнейших предметов городского импорта, — выгрузить его на причал имели право лишь парижане, а судно, груженое вином, могло стоять на якоре лишь три дня. Этот порядок способствовал увеличению грузооборота, но вынуждал купца-кормчего немедленно сбыть свой товар. Поэтому причалы представляли собой сцену кипучей активности, где каждая минута была на счету.

<sup>10</sup> См. Virginia Wylie Egbert, *On the Bridges of Medieval Paris: A Record of Fourteenth-Century Life* (Princeton: Princeton University Press, 1974).



Сену в 1200 г. пересекали лишь два крупных моста — Большой мост и Малый мост. Вдоль каждого из них выстроились дома и лавки, и каждый мост имел свою торговую специализацию. Например, аптекари на Малом мосту готовили лекарства из специй, выгружавшихся внизу на причалах. Городские власти следили за чистотой ингредиентов и за крепостью лекарств. Даже рыболовство в реке «регулировалось королем, канониками из Нотр-Дам и аббатством Сен-Жермен-де-Пре. Рыбакам, которые клялись на Библии, что не будут ловить карпов, щук и угрей меньше установленного размера, выдавалось разрешение на три года».<sup>11</sup>

Купцы покупали товары на мостах и причалах и доставляли их на городские ярмарки — места, отведенные для торговли в больших объемах, чем на улицах. Некоторые товары после перепродажи возвращались с ярмарок на причалы, чтобы по торговым путям попасть в другие города; другие впоследствии поступали в более узкую по масштабам уличную торговлю. Самой важной ярмаркой в средневековом Париже была ярмарка Ленди, проводившаяся ежегодно неподалеку от города. Свое начало она берет в самом темном из Темных веков, в VII столетии. В эпоху упадка европейских городов на таких ярмарках, как Ленди, осуществлялись лишь небольшие, местные сделки, с преобладанием натурального, а не денежного обмена; профессиональные посредники были редкостью. Однако эти ярмарки создавали первые связи между городами, соединяя рынок с рынком.

В эпоху Высокого Средневековья ярмарки поражают изобилием и разнообразием товаров. Крупные ярмарки уже не проводятся в павильонах или палатках на открытом воздухе. Они проходят, как пишет историк экономики Роберт Лопес, в «величественных залах для специализированной торговли, на крытых рынках и под аркадами».<sup>12</sup> Над ларьками развеваются флаги и вывески; за длинными столами люди едят, пьют и заключают сделки. Пышности обстановке прибавляют статуи и изображения святых, ведь проведение ярмарок было приурочено к религиозным праздникам, а это означало, что купцы и их клиенты могли совмещать сделки с приятным времяпровождением. Из-за связи ярмарок с религиозными ритуалами желание продлить время торговли нередко приводило к возникновению культов новых святых. Хотя религиозные праздники как бы набрасывали на торговлю покров святости, многие священники выступали против этого совмещения, а у святых испрашивалось благословение на перепродажу благовоний, пряностей и вина.

Блеск этих средневековых ярмарок может обмануть современного наблюдателя, так как их яркость скрывает фатальную иронию. Ярмарки способствовали развитию городской экономики, но сами при этом слабе-

<sup>11</sup> Ibid., 26.

<sup>12</sup> Robert S. Lopez, *The Commercial Revolution of the Middle Ages, 930-1350* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971), 88.

ли. Например, в XII в. ярмарка Ленди давала возможность слесарям и ткачам Парижа сбывать свою продукцию. Покупателей на эти товары находилось все больше, и они приезжали из все более отдаленных мест, что естественно, вызывало у продавцов желание торговать круглогодично, а не в определенные дни года. Таким образом, «если абсолютный объем товарооборота... в ходе Торговой революции неизменно возрастал, то доля [ярмарок] в общей торговле неизбежно уменьшалась».<sup>13</sup> То есть экономический рост препятствовал проведению торговли в единственном, контролируемом месте. С клиентами, которых сперва они находили на сезонных ярмарках, слесари и ткачи стали торговать круглогодично и на тех же улицах, на которых они работали.

«Хотя словами “рынок” и “ярмарка” часто пользуются без разбора, между ними есть разница», — заявлял в середине XIII в. священник Умбер де Роман. В своем сочинении он упоминает, в частности, рынки, проводившиеся еженедельно на городских улицах и выплескивавшиеся из этого рыхлого пространства в соседние дворы или даже на бесчисленные маленькие кладбища, усеявшие город. В XII веке такие еженедельные уличные рынки служили продолжением ежегодных ярмарок; здесь выставлялись на продажу кожаные и металлические изделия, а в тряпичных палатках предлагались финансовые услуги и заключались сделки по ссудам, хотя реальное золото хранилось в надежном месте, подальше от улицы.

Эти рыночные пространства весьма успешно подрывали попытки государства регулировать торговлю. Продавцы, затравленные правилами на одном рынке, просто перебирались на другой. Более того, рынки преодолевали и религиозные ограничения, действовавшие на ярмарках; торговля и продажа происходили и по святым дням, процветало ростовщичество. Возможно, именно из-за отсутствия сдержек и современникам, и более поздним авторам рынок представлялся намного более агрессивным экономическим пространством, чем ярмарка или улица в нерыночные дни. «В нравственном отношении рынки обычно хуже ярмарок», — отмечает Умбер де Роман, следующим образом расписывая контраст между ними:

«Они действуют в праздничные дни, из-за чего люди пропускают святое богослужение... Помимо того, иногда они проводятся на кладбищах и в других священных местах. Там то и дело слышишь богохульства: “Клянусь Богом, я тебе не дам столько...”, “Клянусь Богом, эта вещь столько не стоит”. Иногда господину не платят рыночных пошлин, что есть вероломство и измена... происходят ссоры... Нередко пьянство».<sup>14</sup>

Для объяснения, почему рынки безнравственнее ярмарок, Умбер де Роман приводит историю о человеке, который

<sup>13</sup> Ibid., 89.

<sup>14</sup> Humbert de Romans, Sermon xcii, *In Merchatis* 562; цит. по Jarrett, *Social Theories of the Middle Ages*, 164.

«...попав в аббатство, нашел там много дьяволов, но на рынке обнаружил лишь одного, стоящего на высокой колонне. Он удивился, но ему объяснили, что в монастыре все сделано для того, чтобы помочь душам приблизиться к Богу, поэтому там и нужно много дьяволов, чтобы совратить монахов с пути истинного, но на рынке, где каждый — сам себе дьявол, хватает и одного дьявола».<sup>15</sup>

Фраза о том, что на рынке «каждый — сам себе дьявол», звучит очень странно. Можно представить себе экономику, где каждый человек — дьявол для других, но почему — сам себе? На ум, конечно, приходит религиозная интерпретация: дьявол агрессивной конкуренции делает человека бесчувственным к лучшему, что в нем есть — к состраданию. Но не менее пронзительным будет и более приземленное объяснение: неограниченная экономическая конкуренция может привести к самоуничтожению. Подрывая такие сложившиеся институты, как ярмарки, зверь экономики, надеясь выиграть, в действительности может проиграть. Все дело только во времени.

## 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

### Гильдия и корпорация

Средневековая гильдия создавалась как орудие защиты от экономического самоуничтожения. Гильдия ремесленников объединяла всех работников данной отрасли в единый орган; хозяева оговаривали обязанности, условия повышения в должности и доходы наемных помощников и подмастерьев в контракте, определявшем всю карьеру работника; каждая гильдия являлась также сообществом, заботившемся о здоровье работников, а также об их вдовах и сиротах. Лопес описывает городскую гильдию как «федерацию автономных мастерских, чьи хозяева (мастера) обычно принимали все решения и диктовали условия продвижения по службе для подчиненных (наемных помощников и подмастерьев). Внутренние конфликты обычно минимизировались совместным интересом в процветании отрасли».<sup>16</sup> Во Франции ремесленные гильдии назывались *corps de metiers*; в книге *Livre des Metiers* («Книга ремесел»), составленной в 1268 г., «перечислено около сотни организованных ремесел Парижа, разделенных на семь групп: пищевые ремесла, ювелирное дело и изящные искусства, металлообработка, ткачество и шитье, кожевенное дело и строительство».<sup>17</sup> Хотя гильдии в принципе были независимыми органами, в действительности королевские министры управляли их работой посредством королевских уставов, написанных и от-

<sup>15</sup> Ibid.

<sup>16</sup> Lopez, *The Commercial Revolution of the Middle Ages*, 127.

<sup>17</sup> Summerfield Baldwin, *Business in the Middle Ages* (New York: Cooper Square Press, 1968), 58.

редактированных министрами, которые при их составлении в лучшем случае прислушивались к рекомендациям мастеров гильдий.

Многие уставы для парижских ремесленников содержат подробные правила поведения конкурентов в одной отрасли, а также жесткие предписания, например, запрещающие мясникам оскорблять друг друга, или о том, что должны кричать потенциальным клиентам двое уличных торговцев тканями, если они случайно встретятся. Более существенно, что в ранних уставах гильдий предпринимаются усилия по стандартизации продукции в попытке наладить коллективный контроль над отраслью; уставы определяют количество материала, положенное для данного изделия, его вес, и что более важно, его цену. Например, к 1300 г. парижские гильдии определили «стандартный каравай» хлеба, и на практике это означало, что цена хлеба определялась весом и видом зерна, используемого для его выпечки, а не рыночными процессами.

Гильдии чрезвычайно сильно опасались деструктивных экономических последствий неограниченной конкуренции. Кроме контроля за ценами, они старались контролировать количество товаров, произведенных данным ремесленником, чтобы конкуренция была направлена на качество продукции. Так, «гильдии обычно запрещали внеурочную работу после темноты и иногда ограничивали число работников, которых может нанять мастер».<sup>18</sup> Попытки гильдий ограничить конкуренцию проявлялись в их отношении к ярмаркам, где гильдии контролировали и цены, и количество выставленного на продажу товара. Однако контроль за конкуренцией не прибавлял гильдиям силы.

Во-первых, интересы различных гильдий сталкивались между собой. Как пишет историк экономики Джеральд Ходжетт, в городах с сильно развитыми пищевыми ремеслами «попытки удержать фиксированные цены были менее эффективны, чем в тех городах, где купеческие гильдии старались снизить цены на продовольствие»; купцы были сильнее заинтересованы в низких ценах на продукты питания, поскольку это вело к снижению заработной платы, а следовательно, и к удешевлению производимых товаров.<sup>19</sup> И хотя формальные правила гильдий становились все более изощренными, они не поспевали за переменами, сопровождающими экономический рост.

Гильдии, занимавшиеся с привозимыми издалека товарами, постоянно общались с иностранцами, и отдельные члены гильдий нередко старались вести собственные дела с этими иностранцами, не входящими в местную структуру; и когда некоторым нарушение правил сходило с рук, остальные члены гильдии выходили из повиновения. Стандартизация продукции в XII в. также начала нарушаться, так как отдельные производители, столкнувшись с жесткой конкуренцией, осваивали незанятые рыночные ниши;

<sup>18</sup> Lopez, *The Commercial Revolution of the Middle Ages*, 127.

<sup>19</sup> Gerald Hodgkett, *A Social and Economic History of Medieval Europe* (London: Methuen, 1972), 58.

например, в Париже каждый мясник начал разделять мясо по-своему. В некоторых сферах бизнеса избежать разрушительного давления рынка по-прежнему удавалось; отсутствие конкуренции было характерно для торговли такими предметами роскоши, как драгоценные камни, где не меньшее значение, чем сам товар, имели кредитные соглашения между продавцом и покупателем. Но хотя в принципе работник порой был вынужден соблюдать некие неизменные правила в течение всей своей жизни, в целом уложения средневековых городских гильдий все сильнее превращались из обязательных в церемониальные.

С ослаблением власти над своими членами гильдии пытались подчеркивать свое значение как почтенных институтов, освященных стариной — они разрабатывали ритуалы и выставляли напоказ товары, отмечавшие их прежние дни славы. Например, в середине 1250-х гг. оружейники на рынке демонстрировали доспехи древнего, тяжелого, неуклюжего типа, совсем непохожие на те, что они продавали по всей Европе. Еще позже членство в гильдии фактически превратилось в право являться в великолепных нарядах на торжественные обеды, устраиваемые гильдией в больших залах, и щеголять цепями и печатями гильдии перед людьми, которые теперь воспринимались в основном как угроза личному выживанию.

Гильдии являлись корпорациями, и одновременно с процессом ослабления гильдий начался расцвет других корпораций, более приспособленных к переменам. Средневековая корпорация представляла собой не больше и не меньше, чем университет. Слово «университет» в Средние века не имело узкого смысла как учебное заведение; скорее, «оно обозначало любую корпоративную организацию или группу с независимым юридическим статусом».<sup>20</sup> Университет становился корпорацией, потому что обладал уставом. А устав определял права и привилегии конкретной группы людей; это была не конституция в современном смысле, и даже не общесоциальный устав наподобие Великой хартии вольностей в Англии. По словам историка юриспруденции, Средневековье скорее знало «уставы о свободах, [нежели] уставы о свободе».<sup>21</sup> Группа обладала коллективными правами, которые могли быть записаны, и что важнее, переписаны. В этом отношении университет отличался от средневекового сельского феода — соглашения, которое даже в письменном виде не имело срока действия, а заключенное от имени гильдии, являлось пожизненным. Университеты с легкостью могли заново договориться — и нередко договаривались — о том, что и где они делают, в соответствии с изменившимися обстоятельствами; они были экономическими инструментами, зависящими от времени.

<sup>20</sup> Gordon Leff, *Paris and Oxford Universities in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: An Institutional and Intellectual History* (New York: John Wiley & Sons, 1968), 16-17.

<sup>21</sup> Jarrett, *Social Theories of the Middle Ages*, 95.

Феодализм «обеспечивал массам известную безопасность, которая порождала относительное благосостояние».<sup>22</sup> Пусть университет и казался непрочной организацией, но в действительности право изменять свой устав и реорганизовываться способствовало его надежности. Историк Эрнст Канторовиц ссылается на средневековую доктрину *rex qui nunquam moritur* — «король, который никогда не умирает» — в объяснение того, почему в государстве вместе со смертью конкретного короля не отмирала также его должность: доктрина «двух тел короля» предполагала существование бессмертного короля, королевской власти, которые покидают тело очередного короля из плоти и крови и входят в тело следующего короля.<sup>23</sup> Права, записанные в уставе, в известном смысле схожи с этой средневековой доктриной «двух тел». Университет продолжал существовать вне зависимости от смерти своих основателей, обращения к другому роду деятельности или смены места деятельности.

Таким образом, средневековые корпорации, занимающиеся образованием, состояли скорее из учителей, а не из зданий. Университет возникает, когда преподаватели дают уроки ученикам в нанятых залах или церквях; учебные университеты поначалу не имели своей собственности. Ученые, покинув Болонью, основали в 1222 г. университет в Падуе, и так же поступили ученые, покинувшие Оксфорд и основавшие в 1209 г. Кембридж. «Как ни парадоксально, именно в этом отсутствии собственности коренилась наибольшая сила университетов, так как они обладали полной свободой перемещения».<sup>24</sup> Автономия корпорации освобождала ее от привязанности к месту и к прошлому.

Власть устава на практике соединяла миры образования и коммерции, так как для пересмотра уставов требовались люди, умело обращающиеся с языком. А языковое мастерство развивалось в учебных корпорациях. В начале XII в. Пьер Абеляр преподавал в Парижском университете теологию, проводя диспуты со своими студентами; этот процесс интеллектуального состязания (*disputatio*) представлял собой противоположность прежнему методу обучения (*lectio*), состоявшему в том, что учитель читал вслух Писание фраза за фразой и объяснял их, а ученики записывали урок. В диспуте же выдвигалось начальное предположение, которое начинало развиваться, подобно темам и вариациям в музыке, переходя туда и обратно от учителя к ученику. Хотя диспут представлялся многим церковным иерархам анафемой, заключавшей угрозу Писанию, он обладал большой привлекательностью для студентов по понятным практическим при-

<sup>22</sup> Jacques Le Goff, *Your Money or Your Life: Economy and Religion in the Middle Ages*, trans. Patricia Ranum (New York: Zone, 1988), 67.

<sup>23</sup> Ernst Kantorowicz, *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology* (Princeton: Princeton University Press, 1981), 316.

<sup>24</sup> Leff, *Paris and Oxford Universities in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*, 8.

чинам: в диспуте оттачивалось мастерство, без которого студентам было не обойтись во взрослом мире конкуренции.

В средневековую эпоху решение о том, когда и как конкретная корпорация может переписать свой устав, принимало государство. Например, где-то в 1220-е годы четверых знатных парижан убедили участвовать в застройке северных набережных на Сене напротив острова Сан-Луи. Король объявил им, что если они вложат деньги в застройку, он гарантирует арендаторам знатных домовладельцев всего города, что все их старые контракты лишатся силы и они смогут переехать в эти более современные помещения. Мы в этом не видим ничего особенного, но в свое время это было эпохальным событием. Экономические перемены стали *правом*, гарантированным государством.

Таким образом, корпорация современного типа в первую очередь обладает правом осуществлять модернизацию. Если устав можно пересмотреть, то строящаяся в соответствии с ним корпорация обретает *структуру*, которая в любой момент может переступить пределы своих *функций*; например, если в Парижском университете из расписания убирался какой-то предмет, или его преподаватели переезжали в другое место, он не прекращал своего существования, точно так же, как современная корпорация под названием «Всеобщая стеклянная корпорация» может уже много лет не производить стекла. Корпоративная структура, позволяющая переступать пределы фиксированных функций, готова извлечь выгоду из изменения условий рынка, появления новых товаров и случайных событий. Фирма способна меняться, продолжая существование.

История происхождения корпораций проливает новый свет на смысл веберовского термина «автономия». Автономия означает способность к переменам; но автономия также требует права на перемены. Эта формулировка, для современного читателя кажущаяся самоочевидной, в свое время означала великую революцию.

### **Экономическое время и христианское время**

В 1284 г. король Филипп Красивый обнаружил, что процентные ставки в его королевстве иногда достигают 266% годовых, но обычно составляют от 12 до 33%. Подобные расценки выглядели в глазах современников насмешкой над временем. Гийом Оксерский в своей *Summa aurea*, написанной в 1210-1220 гг., заявил, что ростовщик «продает время».<sup>25</sup> Доминиканский монах Этьен де Бурбон в тон ему утверждает, что «ростовщики продают лишь надежду получить деньги, то есть время; они продают день

<sup>25</sup> Guillaume d'Auxerre, *Summa aurea*, III, 21; оригинал находится в библиотеке С.-Кроче во Флоренции. Данные цитаты приводятся Р.С. по переводу в Jacques Le Goff, «Temps de l'Eglise et temps du marchand», *Annales ESC* 15 (1960): 417.

и ночь».<sup>26</sup> Гийом Оксерский объясняет свои слова, прибегая к сравнению с силой сострадания и чувством единения, вызываемыми Образом Христа. «Каждое существо обязано приносить себя в жертву, — говорит Гийом, — солнце обязано приносить себя в жертву, давая свет, земля обязана жертвовать всем, что может на ней вырасти»; но ростовщик лишает мужчин и женщин возможности жертвовать, присваивает себе то, что состоятельный человек мог бы отдать общине. Кредитор не может участвовать в христианской истории.<sup>27</sup> Такое объяснение станет для нас более понятным, если мы вспомним, что многие люди в Средние века верили в неминуемое второе пришествие Христа. Те, кто не участвует в жизни общины как христиане, погибнут на Страшном суде, до которого осталось лишь несколько лет, а может, месяцев.<sup>28</sup> Но не обязательно ждать прихода Миллениума или иметь в виду лишь ростовщиков, чтобы осознать существование глубокой пропасти, отделяющей время в христианском смысле от экономического времени.

Корпорация могла уничтожить прошлое одним росчерком пера. Таким образом, она существовала в произвольном, и, как заметил Жак Ле Гофф, очень городском времени: «крестьянин подчинялся... метеорологическому времени, смене времен года», в то время как на рынке «минуты и секунды могли создать и погубить целые состояния», как на парижских пристанях.<sup>29</sup> Это городское, экономическое время имело и другую сторону. Время стало предметом потребления, измерявшимся в рабочих часах, за которые следовало платить установленное жалованье. В Париже Умбера де Романа это отмеренное время только-только начинало проявляться в гильдиях: контракты гильдий, особенно в производственных отраслях, определяли часы работы и ставки зарплаты, исчисленные на этой основе, а не по принципу сдельной платы, когда работник получал деньги за произведенный продукт.<sup>30</sup> Время перемен и время, измеряемое часовой стрелкой, было двуликим Янусом экономики. Это экономическое время могло разрушать и могло определять, но было лишено сюжета — за ним не стояло никакой истории.

Теолог Гуго де Сен-Виктор, напротив, заявил, что христианская «история есть повествовательное тело».<sup>31</sup> Под этим он имел в виду, что все значительные вехи в истории жизни христианина находят свое место благо-

<sup>26</sup> Etienne de Bourbon, *Tabula Exemplorum*, trans. and ed. J.T. Welter (1926), 139.

<sup>27</sup> Guillaume d'Auxerre, *Summa aurea*; «Temps de l'Eglise et temps du marchand», 417.

<sup>28</sup> См. Norman Cohn, *The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages*, rev. ed. (New York: Oxford University Press, 1972).

<sup>29</sup> Le Goff, «Temps de l'Eglise et temps du marchand», 424-425.

<sup>30</sup> См. David Landes, *Revolution in Time: Clocks and the Making of the Modern World* (Cambridge, MA: Belknap Press, 1983).

<sup>31</sup> Цит. по Marie-Dominique Chenu, *La Theologie au XIIme siecle* (Paris: J. Vrin, 1957; 1976), 66.



даря истории жизни Христа. Чем ближе человек ко Христу, тем яснее становится смысл событий, которые иначе кажутся бессмысленными или просто случайными. Представление о том, что христианская история есть повествовательное тело, развилось из побуждений, внушаемых Образом Христа: его тело рассказывает не какую-то чужую историю, не историю, когда-то случившуюся, но вечно повторяющуюся историю; станьте ближе к нему, и вы увидите направление, в которое направлена стрела времени.

Это христианское время не знало идеи об автономии личности в том смысле, в каком она присуща корпорации. Человек в своих поступках должен руководиться не автономией, а подражанием Христу; причем последовательным подражанием, так как в жизни Христа ничего не происходило случайно. Более того, христианское время имеет мало общего с временем, измеряемым по часам. Например, продолжительность признания не имеет особой связи с его ценностью; былое перечисление грехов к эпохе Высокого Средневековья сменилось тем, что современный философ Анри Бергсон называет *duree* — «бытие во времени», в течение которого возникает эмоциональная связь между исповедником и кающимся. Не имеет значения, продолжалась ли она несколько секунд или час; важно лишь то, что она была.

### **Homo economicus**

Теперь нам становится более ясно, почему Умбер де Роман говорит, что рыночный человек — «сам себе дьявол». *Homo economicus* жил не в каком-то месте — он жил в пространстве. Корпорации, расцвет которых начался с эпохи Коммерческой революции, обращались со временем, как с пространством. Корпорация была структурой с гибкой формой; ее длительное существование обуславливалось способностью к изменению. Ее каркас образовывали промежутки времени, с которыми она имела дело, организуя работу по принципу поденного или почасового жалованья. Ни ее автономия, ни измерение труда в рабочих часах не соответствовали повествовательному времени христианской веры. Как купец, доводящий своих конкурентов до разорения, как ростовщик, как хозяин, как игрок, ставящий на кон чужие жизни, *Homo economicus* мог быть дьяволом для других, но он был и дьяволом самому себе, потому что ему грозило самоуничтожение; сами институты, посредством которых он надеялся достичь процветания, могли погубить его на Страшном суде. В этом экономическом времени и пространстве отсутствовала *жертвенность*.

Историк экономики Альберт Хиршманн, проводя анализ возникновения *Homo economicus*, не упоминает о разрушительной силе раннего капитализма. По Хиршманну, экономическая деятельность была умиротворяющим занятием в противоположность к «погоне за честью и славой... пре-

возносившейся средневековым рыцарским этосом».<sup>32</sup> Хотя внимание Хиршманна в его «Страстях и интересах» обращено к более позднему периоду, возможно, он имел в виду средневекового автора Гильома Коншского, который восхваляет качество, отсутствующее в холерическом темпераменте рыцаря, крестоносца или тем более фанатика-милленариста. Это качество — *modestia*, которое Гильом Коншский определяет как «добродетель, которая в манерах, жестах и во всех наших поступках помогает нам избегать крайностей как недостаточности, так и излишества».<sup>33</sup> Сам Людовик Святой «соблюдал и приветствовал *juste milieu* [золотую середину] во всем — в одежде, в пище, в богослужении, в бою. Для него идеальным человеком был *prudhomme*, цельная личность, которая отличалась от храброго рыцаря тем, что сочетала с доблестью мудрость и *меру*».<sup>34</sup> Тем не менее *Homo economicus* по своей природе не знал благоразумия.

Экономический индивидуализм такой тяжестью ложится на современное общество, что мы не можем представить себе альтруизм или сострадание как необходимые составляющие человеческой жизни. А средневековый человек благодаря своей вере — мог. Пренебрегать состоянием своей души считалось неблагоразумием, чистой глупостью. Потеря своего места в христианском обществе означала полную деградацию, звериный образ жизни. Люди небезосновательно рассматривали экономический индивидуализм как разновидность искушения души.

Перевод Николая Эдельмана

<sup>32</sup> Albert Hirschmann, *The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism Before Its Triumph* (Princeton: Princeton University Press, 1977), 10-11.

<sup>33</sup> William of Conches, *Moralis philosophia*, PL. 171.1034-1035; цит. по Jean-Claude Schmitt, «The Ethics of Gesture,» *Fragments for a History of the Human Body*, Part Two, eds. Michel Feher, Ramona Naddaff, and Nadia Tazi (New York: Zone Books, 1989), 139.

<sup>34</sup> Le Goff, *Your Money or Your Life*, 73.